

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-55-59

Художественный текст как зеркало языковой эволюции

(На материале повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники»)

Юлия Георгиевна Захарова*Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия,**e-mail: zug1977@inbox.ru*

В статье анализируется текст повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники» с точки зрения отражения в нем эволюционных процессов, которые были свойственны русскому языку конца XIX в. Автор статьи, используя методы лингвистического комментирования и контекстуального анализа, показывает, что текст произведения позволяет увидеть смену социокультурных коннотаций слов, расширение их семантической структуры, пополнение словарного состава языка за счет заимствования и словопроизводства.

Ключевые слова: *русский язык XIX в.; историческая лексикология; неология XIX в.; лингвистическая информативность художественного текста; лингвистическое комментирование*

Ссылка для цитирования: Захарова Ю.Г. Художественный текст как зеркало языковой эволюции (На материале повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники») // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 5. – С. 55–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-55-59.

Reflection of Language Evolution in a Literary Text

(As Exemplified by P.D. Boborykin's Story «Fellow Students»)

Yulia G. Zakharova*Pacific National University, Khabarovsk, Russia,**e-mail: zug1977@inbox.ru*

The article analyses a story by P.D. Boborykin «Fellow Students» in terms of evolutionary processes characteristic of the Russian language of the late 19th century, which are reflected in its text. Using the methods of linguistic commentary and contextual analysis, the author of the article shows that the text of the story under consideration reveals changes in sociocultural connotations of words; their semantic broadening; expansion of vocabulary through borrowing foreign words and forming new ones.

Keywords: *Russian language of the 19th century; historical lexicology; neo-logy of the 19th century; linguistic informativity of the literary text; linguo-historical commentary*

A reference for citation: Zakharova Y.G. Reflection of Language Evolution in a Literary Text (As Exemplified by P.D. Boborykin's Story «Fellow Students»). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 5, pp. 55–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-55-59.

П.Д. Боборыкин — один из известных русских беллетристов XIX в. Под беллетристикой в современной науке понимают прозу, которая занимает промежуточное положение между элитарной (классической) и массовой литературой, не наделена ярко выраженной художественной оригинальностью, но встречает живой читательский отклик современников благодаря тому, что отражает важнейшие веяния времени; постепенно такая литература

теряет свою актуальность¹. Действительно, имя П.Д. Боборыкина сегодня почти забыто, но его произведения интересны в историческом и лингвистическом отношении. П.Д. Боборыкина характеризуют как высокообразованного разностороннего

¹ Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. — СПб., 2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 27.01.2019).

человека, бытописателя разных общественных слоев XIX в., от купечества до интеллигенции [Кубиков 1930: 522–525]. Произведения беллетриста насыщены общеупотребительной в его эпоху, но устаревшей на сегодня лексикой; метаязыковыми замечаниями, касающимися значения, возникновения, функционирования, авторства ряда слов и выражений, поэтому они помогают получить представление о состоянии и развитии лексической системы русского языка второй половины XIX – начала XX в.

Повесть «Однокурсники», написанная в 1900 г., посвящена жизни студентов и выпускников Московского университета – представителей интеллигенции и буржуазии. Автор осмысливает роль интеллигенции в жизни российского общества и словами *интеллигенция*, *интеллигентный*, *интеллигент* уделяет особое внимание. Текст повести позволяет увидеть, что слова с корнем *интеллигент(ц)* приобрели в русском языке конца XIX в. негативную социокультурную коннотацию. Как отмечает П.Д. Боборыкин, аналогичная ситуация сложилась и со словом *intellectuel* во французском языке:

Сколько он наслушался и там, на родине <...> нынешних возгласов: «Не нужно нам умственного пролетариата! Слишком много шатается по Руси всех этих умников, ни на какое настоящее дело не пригодных!» Слова: «*интеллигенция*» и «*интеллигент*» – произносятся с особым выражением, почти как смехотворные прозвища. <...> Не смущает его то, что теперь и у нас, и в Европе, в такой передовой стране, как Франция, раздаются такие же голоса. И там кличка «*intellectuel*» – бранное прозвище².

Появление и распространение в русском языке слова *интеллигенция* тесно связано с именами нескольких писателей. П.Д. Боборыкин полагал, что именно он в 1866 г. впервые употребил латинское слово *интеллигенция* (*intelligentia* – «понимание») в новом значении – «самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны» в одном из своих критических этюдов [Боборыкин 1904: 80]. Это значение оказалось специфически русским, и позднее слово было

заимствовано другими европейскими языками, ср. французское, английское *intelligentsia* – «интеллигенция». В работе «Русская интеллигенция» П.Д. Боборыкин отмечает, что поворот в осмыслении роли интеллигенции в российском обществе и вместе с тем появление отрицательной социокультурной оценочности в слове наметились в 70-е гг. XIX в. [Боборыкин 1904: 82]. Писатель связывал эти изменения с народническим движением, ницшеанством, толстовством, декадентством [Там же: 87].

Знаковым для конца XIX в. в русском языке оказалось и субстантивированное прилагательное *чумазый* в переносном отрицательно окрашенном значении – «предприниматель, богачей из мужиков»³. Это значение придал слову М.Е. Салтыков-Щедрин. Слово впервые появляется в его цикле «Монрепо» (1878–1879):

По всей веселой Руси, от Мещанских до Кунавина включительно, раздается один клич: идет *чумазый*! [Салтыков-Щедрин 1972: 381]. «*Чумазый человек*» – в виду у всех <...>. Нет нужды, что он еще недостаточно поскоблится, что он не тронут наукой и равнодушен к памятникам искусства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: распивочно и навывнос... [Там же: 382]. Ему ни «общество», ни «отечество», ни «правда», ни «свобода» – ничто ему доподлинно не известно! Ему известен только грош – ну, и пускай он наделает из него пятаков! [Там же: 383].

То же противопоставление интеллигенции и буржуазии, набиравшей силу в России конца XIX в., можно наблюдать и в повести П.Д. Боборыкина. Автор заимствует у Салтыкова-Щедрина социально-оценочное слово *чумазый* и маркирует кавычками:

Тут собралась вся та Москва, что стала ему дорога, как настоящая духовная родина. Пускай в ней не сто тысяч народу, пускай она составляет малый процент миллионного населения; но без нее здесь царил бы «*чумазый*».

В повести «Однокурсники» встречается несколько слов и выражений, представляющих новые заимствования конца XIX в. Часть из них сегодня устарела,

² Здесь и далее текст повести цит. по: Боборыкин П.Д. Однокурсники // Вестник Европы. – 1901. – № 1. – С. 51–100; № 2. – С. 460–516.

³ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1965. – Т. 17. – С. 1198 (БАС).

а часть продолжает жизнь в русском языке, порой очень интересную. Слово *пиюта* проникло в русский язык из французского, в словарях иностранных слов фиксируется с 1907 г. со значением «глуповатый, пустой, надутый франт, высокомерный и заносчивый с кем можно; фат»⁴. Один из героев П.Д. Боборыкина употребляет это слово в качестве синонима к существительному *модник*:

Модник! Знаешь, вот как *пиюты* нынешние воротнички стали носить и манжеты, ровно хомут на себя засупонивают, так и наш Элиодоша.

Новое для конца XIX в. слово *эгоист* (фр. *égoïste*) писатель заключает в кавычки:

Ее только и было ему жаль, а не ту героиню с порывистой страстью полупсихопатки и к сцене, и к писателю-«эгоисту» с его смакованием самоанализа и скептическим безволием бабника.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, подготовивший третье издание словаря В.И. Даля, включил в четвертый том (вышел в 1909 г.) существительные *эгоист* и *эгоист*. По словарным определениям видно, что данные слова в начале XX в. были паронимами, поскольку различались оттенками значений: *эгоист* — «себялюб, самотник, себятник, кто добр к одному себе, а до других ему нужды нет», *эгоист* — «самовлюбленный субъект, выдвигающий постоянно и во всем свою личность»⁵.

В конце XIX в. в русский язык из санскрита было заимствовано слово *аватара*, впервые оно фиксируется в словаре Брокгауза и Ефрона в 1890 г. в качестве понятия индуизма: «нисшествие с небес Вишны и богов вообще, их воплощение или появление в человеческом образе на земле»⁶. Судя по повести П.Д. Боборыкина,

в конце века это слово стало модным в определенных кругах и употреблялось не только в прямом, но и в переносном значении, не отраженном в словарях: «вид, образ, в котором предстает человек»:

А тебе это не особенно по вкусу? Понимаю. Он лодырь... Это точно. Особенно в теперешнем своем виде или «*аватаре*». Они любят это самое буддийское слово.

В мемуарах П.Д. Боборыкин употреблял это слово еще в одном значении — «превратности судьбы»:

Мы жили в тех архимосковских номерах челяшевского дома, которые прошли через столько «*аватаров*» и кончили в виде миллионного «Метрополя», после грандиозного пожара [Боборыкин 1929: 123].

Интересно, что в форме муж. рода *аватар* повторно (но уже из английского) было заимствовано в русский язык в XXI в. В семантической структуре существительного *аватар* в современном русском языке три значения: 1) образ, который пользователь выбирает в компьютерной игре; 2) изображение, которое используется человеком для персонализации в сетевом сервисе (на форумах, в чатах, блогах, в соцсетях) и часто создается на основе фотографии; 3) фильм, снятый в формате 3 D⁷.

Первые два значения возникли в результате метафоризации семантики религиозного термина, поскольку и персонаж компьютерной игры, и изображение — это своего рода «воплощения» человека в виртуальной реальности. Третье значение появилось в результате деонимизации. В 2009 г. вышел фантастический фильм Дж. Камерона «Аватар», где данным словом именовался генетически спроектированный организм, воплощение человека в теле инопланетянина. Фильм стал знаменит тем, что «положил начало применению новых технологий в киноиндустрии благодаря использованию стереоскопических камер»⁸, поэтому картины такого типа в прессе стали называть *аватарами*.

В повести «Однокурсники» встречается первоначальный вариант фразеологизма

⁴ Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. — М., 1907 [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 25.01.2019).

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. — 3-е изд. — М., 1909. — Т. 4. — С. 1527.

⁶ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1890. — Т. 1. — С. 52 (ЭСБЕ).

⁷ Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. — М., 2011. — С. 19.

⁸ Там же.

последний крик моды — последний крик. Авив Щелоков подчеркивает его новизну и заимствованный характер:

Чтобы ему «*последний крик*» по идейной части был на дом доставлен. — *Последний крик?* — повторил Заплатин. — А то как же? Это так на бульварах называется. Мы ведь тоже почитываем. Даже и непотребные парижские листки.

Последний крик — это точная калька французского фразеологизма *dernier cri*. Он неоднократно употреблялся во французской графике в русском языке начала XX в. На русской почве произошло расширение состава фразеологизма с помощью словоформы *моды*. Судя по примерам из Национального корпуса русского языка, первоначально в публицистических текстах фразеологизм мог расширяться и при помощи других слов: *последний крик парижской моды* (1911), *последний крик «ботиночной» моды* (1912), *последний крик американской эксцентричности* (1916), *последний крик техники* (1916), *последний крик искусства* (1923)⁹.

Повесть «Однокурсники» дает интересный материал и для наблюдений над изменениями, которые происходили на рубеже веков в живой разговорной речи. Сопровождаются метаязыковыми комментариями и/или маркированы кавычками в тексте произведения слова *жевешка*, *меблировка*, *перебарщивать*. Существительное *жевешка* употребляется в повести в ряду других феминитивов (*премьерша*, *гимназистка*, *курсистка*, *медичка*, *эгоистка*, *супружница*, *интриганка*, *актерка* и др.):

Курсы?.. Будешь или женщиной-врачом, «*жевешкой*», как непочтительно зовут краснобаи, или учительницей.

Это слово, имевшее пренебрежительный оттенок значения и бытовавшее в разговорной речи конца XIX — начала XX в., не отражено в словарях. Оно образовано от аббревиатуры *ж/в* — сокращения составного сложного слова *женщина-врач*. История появления этого сокращения напрямую связана с историей женского вопроса. Получение высшего медицинского

образования для женщин стало возможно в России в 1872 г., когда в Санкт-Петербурге были открыты женские врачебно-акушерские курсы. В 1876 г. оканчивающим курс было дано право практики по женским и детским болезням. По ходатайству Медицинского совета, ввиду заслуг женщин-врачей им был дарован нагрудный знак «Ж. В.» (женщина-врач), дававший право самостоятельной врачебной практики, а в 1879 г. «министру внутренних дел предоставлено разрешать выдержавшим испытание слушательницам право врачебной службы в городских, земских и других общественных учреждениях» [Дерюжинский 1903, Электронный ресурс]. Таким образом, слово *жевешка* было образовано от буквенной аббревиатуры суффиксальным способом (суффикс *-к-*), сопровождавшимся морфонологическим явлением интерфиксации (интерфикс *-ш-*). Отметим, что суффиксальное словообразование от буквенных аббревиатур очень продуктивно и в современной разговорной речи, ср. *сидишник*, *дивидишник*, *айтишник*, *пиарщик* и др.

Слово *меблировка* в словарях конца XIX в. дается со значением «действие по глаголу *меблировать*»¹⁰. Однако в повести П.Д. Боборыкина это существительное употребляется в другом значении:

Его *меблировка*, где когда-то жилось так весело и дружно, тоже изменилась. Хозяин тот же, но заведует номерами какой-то инородец, по всем приметам пройдоха...

Если она поступит в общежитие — это будет очень стеснительно. И к нему ходить — тоже не особенно ловко. Он живет в студенческой *меблировке*.

Меблировка — это тип гостиницы, его описывает, например, П. Иванов в своем цикле очерков о московских студентах начала XX в.:

Но есть еще один род комнат. Это так называемая «*Chambres garnies*» или, попросту, «*Меблировка*». Под такой кличкой слывет гостиница, номера которой сдаются не только посуточно, но и помесечно. И так как подобная гостиница низшего разряда предназначается для людей малосостоятельных, то она обыкновенно

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 25.01.2019) (НКРЯ).

¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. — 3-е изд. — М., 1905. — Т. 2. — С. 811.

отличается непрезентабельным видом, часто грязью и другими достоинствами жилища ниже среднего человека [Иванов 1903: 27].

Слово *меблировка* появилось в результате компрессии словосочетания *меблированные комнаты*, а оно, в свою очередь, возникло как перевод французского *chambres garnies*. В качестве синонима к слову *меблировка* в русском языке начала XX в. употреблялось существительное *меблирашка*¹¹. Галлицизм *chambres garnies* нередко использовали русские писатели, например, он встречается в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»:

— Ты не поверишь, как мне опостытели эти комнаты, — сказала она. Ничего нет ужаснее этих *chambres garnies*¹².

Текст повести «Однокурсники» позволяет судить о том, что глагол *переборщить* (*перебарщивать*) был новым для русского литературного языка на рубеже эпох:

Хорошо иметь твердые убеждения, но нельзя же «перебарщивать». Это тоже его слово. Оно в ходу в Москве, и она его часто здесь слышит.

Глагол *переборщить* и его производящий *борщить* отмечаются в словаре В.И. Даля в качестве диалектных южнорусских слов: «*борщить юж.* лить без толку много, через край, через меру; более уптрб. с прдл.: *на и пере*»¹³. По всей вероятности, к концу XIX в. произошло расширение сферы употребления глагола *переборщить*, он стал проникать в речь москвичей, но значение было переосмыслено: «перейти меру в чем-либо».

¹¹ Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. — М., 2010 [Электронный ресурс]. — URL: <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 27.01.2019).

¹² Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 2 т. — М.; Л., 1966. — Т. 1. — С. 242.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. — 3-е изд. — М., 1903. — Т. 1. — С. 289.

Повесть П.Д. Боборыкина «Однокурсники» является ценным источником информации о языковом облике рубежа XIX–XX вв. П.Д. Боборыкина называют хроникером своего времени, и эта «фотографичность» художественных текстов позволяет увидеть важные процессы в общественной жизни тех лет и их отражение в языке.

ЛИТЕРАТУРА

Боборыкин П.Д. За полвека (мои воспоминания). — М.; Л., 1929.

Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. — 1904. — № 12. — С. 80–88.

Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. — СПб., 1903 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum_3732/item3914.html (дата обращения: 27.01.2019).

Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. — 3-е изд. — М., 1903.

Кубиков И. Боборыкин // Литературная энциклопедия: в 11 т. — М., 1930. — Т. 1. — С. 522–525.

Салтыков-Шедрин М.Е. Убежище Монрепо // Собрание сочинений: в 20 т. — М., 1972. — Т. 13. — С. 265–407.

REFERENCES

Boborykin P.D. For half a century (my memories). Moscow; Leningrad, 1929. (In Rus.)

Boborykin P.D. Russian intelligentsia. In *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1904, No. 12, pp. 80–88. (In Rus.)

Deryuzhinskii V.F. Police law Manual for students. Saint-Petersburg, 1903. [Electronic resource]. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum_3732/item3914.html (access date: 27.01.2019). (In Rus.)

Ivanov P. Students in Moscow. Gen. Morals. Types Essays. 3rd ed. Moscow, 1903. (In Rus.)

Kubikov I. Boborykin. In *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 vol.]. Moscow, 1930, vol.1, pp. 522–525. (In Rus.)

Saltykov-Shchedrin M.E. The Monrepos Refuge. In *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected works: 20 vol.]. Moscow, 1972, vol. 13, pp. 265–407. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия Георгиевна Захарова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и издательского дела, Педагогический институт, Тихоокеанский государственный университет; ул. Карла Маркса, д. 68, Хабаровск, 680000, Россия

Yulia G. Zakharova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language and Publishing Business Pedagogical Institute, Pacific State University; 68 Karl Marx str., Khabarovsk, 680000, Russia